

Адаптивный пожиратель

Книга V

Гладких Валентин

18+

Валентин Гладких

Адаптивный пожиратель 5

<https://litres.ru/74356398>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город продолжает жить после ухода Савина, но заражённые нити уже меняют воду, дороги и старые механизмы. Пока люди пытаются удержать порядок и не стать добычей чужой сети, Савин идёт дальше по следам опасности. Ему предстоит понять, где заканчивается местная жизнь и начинается система, которая умеет замечать кровь, энергию и любой сбой. Цена ошибки — не одна жизнь, а весь город.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 — Дальше	13
Глава 2 — Высота	39
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Валентин Гладких

Адаптивный пожиратель 5

Пролог

После его ухода город не остановился.

Вода по-прежнему шла по чёрным желобам от верхних распределителей к нижним кварталам. Колёса принимали течение, цепи натягивались, грузовые площадки ползли вдоль стен. На одном из мостов многорукий рабочий менял треснувшую направляющую. На другом двое бывших охранников, снявших старые знаки, пропускали тележки по очереди и спорили с ремесленником, который никак не хотел ждать.

Никто не спросил разрешения у человека, ушедшего по внешней дороге.

Поначалу это замечали слишком часто.

Один из складских работников всё ещё поворачивал голову к проходу, когда спор становился громче обычного. Несколько местных при первом серьёзном разногласии смотрели на верхнюю галерею, где раньше появлялся Первый, а позднее — странное человеческое существо с корнями в руках. На галерее никого не было. Тогда приходилось договариваться самим.

Получалось плохо.

Но получалось.

У пищевого склада два ряда счётных камней снова разошлись. Один многорукий требовал больше белковой массы для сектора, где работали его родственники. Белокожий старик, хранивший списки ещё при прежней верхушке, показывал на запас и на отметку внешнего обмена. Крик быстро собрал зрителей. Раньше спор закончился бы ударом охраны или знаком сверху. Теперь к доске подошли ещё трое работников, пересчитали камни заново и принесли вторую таблицу из соседнего склада.

Многорукий не получил всего, чего хотел.

Старик тоже.

Через несколько минут очередь снова двинулась.

Ни одна клетка не открылась, потому что клеток там больше не было.

В человеческом секторе пахло кипячёной водой, влажной тканью и местной пищей, которую тридцать один человек всё ещё учился готовить так, чтобы она переставала напоминать строительный раствор. Несколько дверей были открыты. У одной на полу сидел раненый мужчина и медленно сгибал стопу, проверяя, насколько вернулась подвижность. В дальней комнате женщина разбирала высушенные клубни вместе с высоким местным ремесленником. Они не знали слов друг друга и поэтому спорили жестами.

На стене между ними висела плоская каменная пластина.

Человек.

Вода.

Еда.

Опасность.

Стой.

Работа.

Рядом появлялись новые знаки. Одни были местными. Другие — человеческими царапинами, придуманными потому, что иногда проще нарисовать кружку, чем двадцать минут объяснять, что именно нужно принести.

Одиннадцать человек, пришедших из горного убежища, уже перестали держаться отдельной группой каждую минуту. Двадцать прибывших с разбитого корабля всё ещё чаще искали знакомые лица, но и они постепенно расходились по комнатам, мастерским и водным узлам. Никто не называл это домом вслух слишком уверенно.

Для начала хватало того, что здесь можно было закрыть дверь изнутри.

Стационарный передатчик стоял в мастерской на каменной полке.

Человеческий инженер снял боковую пластину, проверил крепление проводящей полосы и отступил. Рядом высокий местный держал кристаллическую вставку двумя пальцами, пока многорукий затягивал зажим. Они уже проделывали это раньше. Теперь рядом не было того, для кого собиралась система.

Это ничего не меняло.

Инженер показал три пальца.

Местный ударил по пластине три раза.

Коротко.

Пауза.

Потом один длинный удар.

Кристаллическая вставка дрогнула. По краю пробежал тусклый свет и исчез. Инженер посмотрел на прибор, помолчал и повторил проверку.

Три коротких.

Пауза.

Один длинный.

Сигнал ушёл в камень, металл и старую линию ровно настолько далеко, насколько позволяла собранная ими система.

Ответа не могло быть.

Приёмник был односторонним.

Человеческий инженер это знал. Местные — уже тоже.

Проверка закончилась. Крышка вернулась на место. Один из работников сделал новую отметку на доске обслуживания.

Никто не стал ждать человека с дороги.

Город работал дальше.

За внешней аркой было тише.

Решётка оставалась закрытой. Грузовой шлюз использовали дважды: сначала через него вывели пустые контейнеры, потом приняли связку металлических полос от небольшой

местной группы, пришедшей со стороны ближайшего узла. Старого знака Первого над шлюзом больше не было. На его месте осталась светлая царапина на камне.

Новую табличку повесили ниже.

На ней было несколько знакомых значков: арка, груз, вода, опасность. Рядом — ряд счётных отметок.

Караван, который ушёл отсюда раньше, уже был далеко.

Его колёса катились по старой дороге между скалами, поднимая сухую пыль. Двадцать с лишним телег растянулись на несколько сотен шагов. Шестиногие упряжные животные шли ровно, иногда встряхивая короткими гривами. Охрана двигалась по краям. Оружие никто не держал наготове, но и не убирал далеко.

В середине каравана лежал обычный товар города: обработанный материал, белковая масса, несколько катушек волокна.

Отдельно стояли два тёмных ящика.

Раньше на этом месте было бы шесть.

Никто в караване не обсуждал человеческими словами, что это означает.

Им они были не нужны.

На первой большой развилке колонна остановилась. Там из земли поднимался старый маршрутный столб: камень, кость, тёмная вставка в центре и три расходящиеся отметки. Одна вела назад к городу. Вторая — в сухую долину. Третья уходила к другой дороге, теряющейся между гребнями.

У основания столба находилась низкая каменная постройка, наполовину вросшая в склон.

Она была меньше городского шлюза и старше большинства следов на дороге. Внутри помещались только узкий стол, несколько счётных пластин и механизм с двумя колёсами, соединёнными мутной кристаллической осью.

Четырёхрукое существо из каравана вошло туда с табличкой.

Вслед за ним пришёл широкоплечий охранник с костяным кольцом вокруг головы.

На стол легли две пластины.

Одна — старая.

Шесть тёмных отметок.

Другая — новая.

Две.

Четырёхрукий пересчитал их ещё раз, хотя ошибиться было трудно. Потом перевернул новую табличку и показал на другой знак.

Перечёркнутый символ верхушки.

Рядом — несколько свежих зарубок, оставленных складским работником освобождённого города.

Широкоплечий долго смотрел.

После коснулся пальцем двух тёмных отметок.

Потом четырёх пустых мест.

Четырёхрукий развёл руками.

Не получил.

Не передали.

Или не захотели передавать.

Причина для механизма значения не имела.

У стены висела тонкая пластина с несколькими маршрутными символами. Четырёхрукий снял её, совместил с записью груза и вставил в щель между колёсами.

Механизм не ожил целиком.

Одно колесо сдвинулось на зубец.

Кристаллическая ось на мгновение стала светлее.

Под полом прошёл короткий толчок.

Потом второй.

Широкоплечий поднял голову.

Снаружи караван продолжал отдыхать. Животные пили из каменного корыта. Один охранник менял ремень на щите. Ветер тащил пыль вдоль дороги.

Внутри старого узла четырёхрукий повернул маленький рычаг.

Новая последовательность ушла дальше.

Не голос.

Не сообщение в человеческом смысле.

Количество.

Маршрут.

Изменение.

Старые механизмы принимали эти три вещи лучше любых объяснений.

Толчок прошёл по кристаллической оси, исчез в стене и

спустя несколько мгновений возник в следующем участке старой линии. Там не было живых существ. Только каменный столб на другом перевале и тёмная вставка, закрытая слоем пыли.

Вставка дрогнула.

Слабый свет пробежал по одной из насечек.

Погас.

Через некоторое время похожий импульс возник ещё дальше.

Потом ещё.

С каждым переходом сигнал менялся. Где-то он задерживался. Где-то пропускал часть ритма. Один узел не ответил вовсе, и цепочка обошла его по боковой линии, сохранив только грубую последовательность.

Арка.

Маршрут.

Изменённая доля.

Две вместо шести.

Ни один из тех, кто отправил запись, не видел, куда она пришла в конце.

Караван к тому времени снова двигался.

Освобождённый город оставался далеко позади. Там продолжала течь вода. Тридцать один человек учился жить рядом с существами, которых ещё недавно считал врагами. Рабочие спорили из-за еды и ремонтировали цепи. Передатчик в мастерской молчал между проверками.

Никто не знал, что изменение уже перестало быть местным.

На очередном далёком узле, куда человек ещё никогда не доходил, старая пластина приняла импульс.

Одна отметка стала светлее.

Рядом с ней медленно сдвинулся счётный элемент.

Два.

Вместо шести.

Механизм удержал запись несколько секунд, затем передал её дальше.

За следующий каменный гребень.

Потом ещё дальше.

Туда, где дорога уже не имела никакого отношения к маленькому городу у чёрной реки.

Сигнал ушёл дальше, чем когда-либо ходил Артём Савин.

Глава 1 — Дальше

Город остался за спиной быстрее, чем я ожидал.

Сначала я ещё слышал его. Не голоса — до них было слишком далеко, — а привычную механику: редкий скрежет цепной дороги, глухие удары в камне, воду. Вибрация приходила через подошвы, если я останавливался и клал ладонь на землю. С каждым подъёмом она становилась слабее, растворялась в собственных шагах и ветре, а потом осталась только память о ритме.

Я не обернулся сразу. Очень хотелось. Именно поэтому не обернулся.

Внешняя дорога шла между двумя каменными гребнями, сначала почти ровно. По ней недавно прошёл караван, и следы были слишком заметны: колеи, знакомые отпечатки Шерстяков, тёмные пятна помёта, несколько обрывков волокна. Нормальная дорога. Почти скучная.

После всего, что случилось в городе, скука казалась подозрительной.

Я шёл быстро, но не спешил. Ноги работали иначе, чем ещё несколько дней назад. Стопа принимала нагрузку, сухожилия не просто гасили удар, а возвращали часть в следующий шаг. Таз держался ровнее, спина меньше тратила силы на лишние колебания. Если не думать об этом, можно было решить, что я просто научился ходить.

Очень своевременно.

Корни лежали вдоль предплечий и почти не тянули кожу у основания. После последнего ремоделирования грубых участков стало меньше. Правый втягивался полностью. Левый всё ещё оставался чуть чувствительнее там, где его слишком много раз рвали, но обычное движение не причиняло боли.

Когти были убраны, бронева сетка под кожей молчала. Кислоты и костяных шил хватало на неприятность средней тяжести, энергетический резерв восстановился не полностью, а перегрузку по-прежнему лучше было считать последним аргументом. То есть всё как обычно.

Приёмник под грудной пластиной не издавал ни звука.

Я коснулся корпуса пальцами.

— Только не начинай.

Он не начал.

Первую развилку я знал. До неё доходил за караваном в прошлый раз. Каменный столб стоял на месте, одна линия вела назад к арке, другая — в сухую долину, третья — вдоль гребней. Караван ушёл по правой. Следы были свежими.

Я остановился.

Если идти за ними, рано или поздно увижу, куда они возят груз. Заодно рано или поздно кто-нибудь заметит мутанта, который убил прежнего хозяина города и теперь идёт следом явно не из научного интереса. Второй вариант последствиями нравился меньше.

Я выбрал среднюю дорогу. Не потому, что она была безопаснее. Потому что я её не знал. Вот и вся стратегия разведки.

Через несколько сотен шагов дорога перестала быть дорогой. Колеи исчезли, камень стал неровнее, а старая линия под ногами распалась на отдельные плиты. Где-то между ними росла жёсткая серая трава, короткая и толстая, будто ей тоже надоело бороться с ветром.

Я сорвал один стебель и понюхал. Горечь. Минералы. Мало воды. Организм предложил съесть.

— Нет.

Желудок не согласился.

Я попробовал кончик. Через несколько секунд язык слегка онемел. Я выплюнул.

— Тем более нет.

Токсикологическая фильтрация отреагировала быстро: слюна стала гуще, слизистая на секунду стянулась, неприятное покалывание ушло. Никакой угрозы. Просто местная трава в очередной раз напомнила, что слово «растение» не означает «салат».

Я пошёл дальше. К полудню гребни разошлись, и пространство открылось резко.

После недель под землёй и каменных улиц города глаза сначала отказались понимать расстояние. Передо мной лежало высокое плато, сухое, серо-жёлтое, прорезанное длинными тенями. Каменные уступы уходили один за другим до

горизонта. Между ними блестели белые полосы минералов. Далеко слева двигалось что-то большое — целая группа тёмных тел, слишком далеко, чтобы различить форму.

Небо занимало неприлично много места.

Я остановился на краю подъёма.

Ветер ударил в лицо.

Сухой. Холоднее, чем ожидал. С запахом пыли, смолы и живых существ, которых я пока не видел.

Грудная клетка сама расширилась сильнее.

Воздух здесь был легче.

Не опасно. Просто высота.

Я сделал несколько медленных вдохов, дал телу перестроить ритм и посмотрел назад.

Город уже нельзя было увидеть. Только гребни. За ними — арка. За аркой — вода, тридцать один человек, Лада, Сергей, местные рабочие, передатчик. Всё помещалось в одном направлении.

Я стоял и впервые очень ясно понимал, что никто не ждёт от меня возвращения через час.

Неприятное ощущение.

Свобода вообще оказалась подозрительно похожа на отсутствие оправданий.

Я снова коснулся приёмника.

Тишина.

— Ладно.

Пошёл.

На плато следы жизни были повсюду, просто не человеческой. Узкие тропы между камнями. Помёт. Обглоданные стебли. Норы, уходившие под плоские плиты. На одном участке земля была вся в мелких круглых отверстиях, из которых при моём приближении одновременно исчезли десятки блестящих голов.

Я замер. Через минуту одна появилась снова — размером с кулак, три глаза в ряд, челюсти маленькие, передние лапы широкие, как лопатки. Она смотрела. Я смотрел. Организм оценивал: мало мяса, неинтересно.

Тварь пискнула.

Из соседних нор ответили ещё пять.

— Полностью согласен.

Я обошёл колонию.

Через несколько километров тропы начали сходиться к низкой впадине. Там пахло водой.

Слабо.

Почти неуловимо.

Я изменил направление.

Вода оказалась в каменной чаше размером с ванну. На дне оставалось сантиметров десять мутной жидкости, над которой кружили длинноногие насекомые. По краям лежали отпечатки множества лап.

Я не стал пить сразу. Сначала корень: правый вышел из предплечья без боли и лёг кончиком в воду. Холодная. Минеральная. Живой раздражитель слабый. Потом палец, кап-

ля на язык. Горечь. Соль. Органика. Фильтрация не дала тревоги.

Я выпил немного.

Не жадно.

Очень хотелось жадно.

Потом ещё.

Организм забрал воду почти сразу. Сухость во рту ушла, кожа на губах перестала стягиваться. Внутренние сосудистые карманы начали заполняться, давление выровнялось.

Я сидел у чаши и слушал.

Не ушами.

Ладонь на камне.

Вибрация.

Слева — мелкие частые шаги.

Справа — ничего.

Дальше, метров через пятьдесят, тяжёлый одиночный толчок.

Потом ещё.

Я поднялся.

Из-за камня вышло животное размером с крупную собаку. Шесть ног, короткая шея, широкая морда. На спине жёсткая щетина. Оно увидело меня, остановилось и сразу повернулось боком.

Не хищник.

Рядом появились ещё два.

Меньше.

Стадо? Семья?

Большое фыркнуло.

Я отошёл от воды на несколько шагов.

Оно подошло.

Понюхало чашу.

Потом меня.

Снова воду.

Я мог убить.

Мяса хватило бы надолго.

Но оно не нападало, а вода принадлежала ему не меньше, чем мне.

Странная мысль.

Раньше всё живое вокруг очень быстро доказывало, что переговоры невозможны.

Я отступил ещё.

Большое животное начало пить.

Маленькие подошли следом.

Один всё равно не сводил с меня трёх тёмных глаз.

— Правильно.

Я ушёл.

Питание нашлось ближе к вечеру.

Небольшой зверь выскочил из-под камня почти под ноги. Длинное тело, две мощные задние пары конечностей и одна короткая передняя. Он сделал три быстрых прыжка, но четвёртого не успел.

Правый корень лёг на землю впереди.

Тварь ударилась грудью в него, попыталась перескочить.
Я дёрнул.

Она перевернулась.

Коготь вошёл под челюсть.

Быстро.

Без боя.

Я стоял над трупом и несколько секунд ждал, что из ближайших камней сейчас выйдет его мать размером с дом.

Никто не вышел.

— Даже обидно.

Поглощение прошло без сюрпризов. Тёплая солоноватая кровь пахла травой, плотные мышцы быстро сняли пустоту в животе, а сухость во рту отступила. Часть свежего материала сразу ушла в текущий ремонт и перегруженные сухожилия ног. Обычная еда — сейчас именно это и было нужно.

Я съел не всё и оставил часть мяса на камне подальше от места ночлега. Не из щедрости: если ночью сюда придёт хищник, лучше пусть сначала найдёт ужин там, а не меня.

Ночевал под нависающей плитой.

Плато после заката остыло почти мгновенно. Ветер стал злым, забирался под одежду, которая давно существовала скорее как привычка, чем как защита. Я свернулся ближе к камню. Бронева сетка не грела. Корни тоже.

Организм перераспределил кровоток. Кожа на конечностях стала холоднее, внутри сохранялось тепло. Полезно. Я закрыл глаза, но не уснул. Тишина была слишком большой.

В городе всегда что-то работало. На «Альтаире» что-то скрипело. В горе дышали люди.

Здесь ветер иногда шевелил сухую траву.

И всё.

Я открыл глаза.

— Ну вот. Хотел один.

Никто не ответил.

Приёмник тоже.

Я уснул.

Проснулся от запаха.

Мясо.

Не то, которое оставил.

Свежая кровь.

Я лежал неподвижно.

Нос уже нашёл направление раньше, чем глаза привыкли к темноте.

Слева.

Дальше по склону.

Потом пришёл звук.

Короткий визг.

Удар.

Камни.

Я медленно поднялся.

Ладонь на плиту.

Вибрация через плотный камень была чистой.

Два крупных тела.

Одно двигалось рывками.
Второе почти не двигалось.
Охота.

Не на меня.

Я мог остаться.

Разумно.

Поэтому, конечно, пошёл посмотреть.

Не близко.

До края уступа.

Внизу, в лунном или каком здесь вообще был ночном свете, два существа сцепились возле кустов. Одно я узнал по силуэту — шестиногое травоядное вроде тех, что были у воды, только крупнее. Второе было ниже, длиннее и двигалось на восьми конечностях. Передняя пара держала добычу, задние толкали тело вперёд.

Хищник не рвал горло.

Он пытался перевернуть жертву.

Травоядное било боком и задними ногами.

Один удар пришёлся в голову хищника.

Тот отлетел.

Встал.

Вернулся.

Я смотрел.

Не потому, что хотел помочь.

Потому что это было полезнее ещё одного боя.

Хищник избегал передних ног, заходил снизу по склону,

использовал камни, чтобы травоядному было труднее разворачиваться. Три раза отступал. На четвёртый дождался, когда копыто соскользнуло, и вцепился в живот.

Через минуту всё закончилось.

Хищник начал есть.

Я ушёл.

Планета жила без моего участия.

Непривычно.

Утром остатки мяса возле моего убежища исчезли.

Следы были мелкие.

Много.

Падалыщики.

Хорошо.

Я двинулся дальше.

Первые несколько дней дорога ещё напоминала продолжение торгового направления. Периодически попадались старые столбы. Не такие целые, как возле города: один расколот, другой лежал на боку, третий почти полностью зарос серой коркой минерала.

Я останавливался у каждого.

Проверял камень.

Кристаллические вставки.

Символы.

Большинство ничего не делало.

У одного в основании сохранилась узкая ниша. Внутри лежали несколько плоских костяных пластин, настолько ста-

рых, что края стали хрупкими. Я не смог понять ни одного знака, кроме арки и повторяющихся насечек.

Взял одну пластину.

Подумал.

Положил обратно.

Если всё вокруг древнее и непонятное, привычка тащить каждый предмет очень быстро превратит меня в передвижной склад.

Погнутого металлического фрагмента мне уже хватало.

Он лежал под защитной пластиной рядом с приёмником.

Просто металл.

До сих пор.

На четвёртый или пятый день — считать точно я перестал довольно быстро — приёмник внезапно дёрнулся.

Я остановился.

Сначала решил, что показалось.

Потом пришёл короткий импульс.

Ещё один.

Третий.

Пауза.

Длинный.

Возвращайся.

Я замер посреди сухой долины.

Сердце ускорило раньше мысли.

Город.

Проблема.

Я развернулся.

Сигнал больше не повторился.

Пять шагов назад.

Тишина.

Десять.

Ничего.

Я поднялся на каменный уступ.

Приёмник дёрнулся снова.

Один короткий.

Пропал.

Я посмотрел вокруг.

Город был далеко. Слишком далеко.

Даже если человеческий инженер каким-то чудом улучшил передатчик за несколько дней, расстояние уже давно вышло за то, что мы проверяли.

Под уступом стоял старый маршрутный столб.

Я его почти пропустил.

Половина скрыта осыпью. В центре — мутная вставка.

Я подошёл.

Приёмник снова ожил.

Три коротких пришли неровно.

Пауза.

Длинный.

Я сделал шаг в сторону.

Слабее.

Ещё десять метров.

Тишина.

Вернулся.

Сигнал.

— Очень интересно.

Ладонь на столб.

Внутри был слабый механический ритм. Не постоянный.

Что-то отвечало на далёкий импульс и затихало.

Я не понимал как.

Но вывод был простой: это не мой приёмник внезапно научился слышать через половину мира. Работал столб.

Или то, к чему он был подключён.

Я обошёл его кругом.

Нашёл две трещины.

Под одной — тонкую тёмную жилу материала, уходившую глубже в камень.

Разбирать не стал.

Во-первых, не знал что это.

Во-вторых, если это действительно кусок старой сети, ломать единственную работающую вещь только из любопытства было бы даже по моим стандартам глупо.

Я сел рядом и ждал.

Сигнал повторился спустя долгое время.

Тот же.

Три коротких.

Пауза.

Один длинный.

Не обязательно тревога.

Может, город проверял систему.

Может, местный узел запомнил старый ритм и повторял его.

Может, вообще совпадение.

Я не знал.

Вот это было важно.

Не «город зовёт».

А «я слышу знакомую последовательность возле древнего столба».

Разница между знанием и удобной фантазией.

Я провёл пальцами по приёмнику.

— Если им действительно плохо, очень неудачная система.

Ответа не было.

Я остался возле столба до следующего сна.

Больше сигнал не пришёл.

Утром ушёл дальше.

Через сто метров приёмник замолчал окончательно.

Я вернулся на двадцать.

Слабый одиночный щелчок.

Снова вперёд.

Тишина.

Запомнил место.

Не как связь.

Как узел.

Дорога продолжала подниматься.

Плато становилось суше. Трава исчезала пятнами. Камень выходил наружу длинными пластами, словно кто-то когда-то уложил гигантские плиты, а потом позволил ветру тысячами снимать с них верхний слой.

Иногда это действительно были просто плиты.

Иногда — нет.

На одном перевале я заметил слишком ровный край.

Соскоблил серую корку когтем.

Под ней оказался тёмный материал.

Не природный.

Поверхность была гладкой, хотя по ней прошли трещины.

Я расчистил участок.

Полоса шириной примерно с ладонь уходила под камень.

Что это было?

Крепление.

Водосток.

Край дороги.

Я не знал.

Через десять метров нашёл вторую.

Параллельно первой.

Между ними — обычный камень.

Я постоял.

Потом пошёл дальше.

Археолог из меня получался прекрасный: нашёл две линии, ничего не понял, ушёл.

Но теперь я смотрел внимательнее.

Следы обработки появлялись чаще.

Ступень, слишком ровная для случайного скола.

Круглое отверстие в плите.

Обломок тёмной керамики.

Каменная канавка, которая не вела к воде.

Мир под пылью был старше любого живого маршрута, который я видел.

И кто-то строил здесь задолго до тех, кто сейчас водил караваны.

Ночами я спал всё спокойнее.

Не потому, что опасность уменьшилась.

Организм привык.

Слух отделял ветер от шагов. Вибрация через ладонь позволяла быстро проверять камень перед сном. Корни я выпускал не для боя, а чтобы закрепить простую растяжку из сухих стеблей и костей добычи.

Примитивная сигнализация.

Один раз сработала.

Посреди ночи что-то дёрнуло стебель.

Кость стукнула о плиту.

Я проснулся мгновенно.

Когти вышли.

Правый корень лёг на край укрытия.

Снаружи стоял тот самый мелкий трёхглазый землекоп размером с кулак.

Он держал во рту кусок моей сушёной добычи.

Мы посмотрели друг на друга.

— Серьёзно?

Землекоп убежал.

Мясо тоже.

Я лёг обратно.

Через минуту снаружи пискнуло ещё три раза.

— Нет.

До утра больше никто не пришёл.

Пища менялась вместе с местностью.

На более влажных участках попадались длинные мягкотелые существа, прятавшиеся под камнями. Много воды, мало белка. Я ел их, когда не хотелось тратить силы на охоту.

В сухих местах приходилось искать крупнее.

Один раз я шёл по следу животного почти половину дня и обнаружил, что оно само шло по следу ещё более крупного стада.

Я не полез.

Тридцать тяжёлых тел двигались по низине, поднимая пыль. У некоторых на спинах росли широкие минеральные пластины. Детёныши шли внутри группы.

С краю держались три хищника.

Не нападали.

Ждали.

Я тоже ждал.

Через час стадо ушло.

Хищники — за ним.

Я спустился к месту, где они проходили, и нашёл вытоп-
танные растения с сочными корнями.

Съел два.

Один оказался горьким.

Второй — терпимым.

Никакой мутации.

Зато вода.

Полезнее половины красивых способностей.

Один раз еда сама попыталась отобрать у меня еду.

Я убил длинноногого травоядного у полосы красного кам-
ня. Ничего особенного: подсёк корнем, дал упасть, когтем
вскрыл крупный сосуд. Пока пил кровь и разбирал тушу, из
щелей вокруг начали появляться плоские существа.

Сначала одно.

Потом три.

Потом я перестал считать после девятого.

Они были низкими, почти прижатыми к земле. Четыре ко-
роткие ноги, широкая спина, покрытая серыми пластинами,
а вместо нормальной пасти — круг из мелких режущих зу-
бов снизу. По отдельности размером с кошку. Вместе выгля-
дели как очень настойчивая проблема.

Первое подошло к туше.

Я стукнул ладонью по камню рядом.

Оно отступило.

Второе не впечатлилось.

Вцепилось в заднюю ногу добычи и потянуло.

— Нет.

Правый корень обвил его поперёк тела.

Я поднял.

Пластины прижались одна к другой, закрывая мягкие промежутки. Снизу пасть раскрылась и щёлкнула по воздуху.

Я бросил существо метров на пять.

Оно ударилось о камень.

Перевернулось.

Встало.

И снова пошло к туше.

— Уважаю настойчивость.

Остальные уже приближались.

Не хищники в обычном смысле.

Падальщики.

Но один из них попробовал мой ботинок на вкус.

Зубы прошли через остаток ткани и царапнули кожу.

Я дёрнул ногой.

Существо повисло.

Коготь вышел и ударил между пластинами снизу.

Мягкая ткань поддалась.

Тварь задрожала и разжала пасть.

Запах крови изменил всё.

Остальные на секунду замерли.

Потом половина рванула не ко мне.

К мёртвому сородичу.

Очень воспитанная экосистема.

Я отступил от туши и смотрел, как они мгновенно собираются в плотный комок. Зубы скребли пластины. Несколько существ кусали друг друга. Одно потеряло кусок ноги и даже не заметило.

Можно было убить всех.

Кислота по мягкой нижней стороне решила бы вопрос.

Шила тоже.

Но зачем тратить запас на тех, кто уже забыл обо мне?

Я вырезал из своей добычи нужный кусок мяса, забрал внутренний мешок с водой и ушёл.

Через двадцать шагов один падальщик всё-таки решил, что я привлекательнее.

Он бежал быстро для плоского камня с зубами.

Я дождался.

В последний момент сделал шаг в сторону.

Механика ног вернула часть движения, и тварь проскочила мимо.

Левый корень прижал её к земле.

Коготь вошёл под пластину у основания ноги.

Готово.

Я поглотил немного.

Плотная солёная кровь.

Много минералов в коже.

Структура пластин интересная, но хуже моей подвижной

защиты: тяжёлая, медленная, почти не меняла форму.

Организм разобрал ткань как материал.

Кальций, соли, белок.

Ничего нового.

— И правильно.

Оставшийся труп я положил на старую тропу.

Падальщики получили второй ужин, а тело продолжило меняться своим привычным мелким способом. После нескольких дней постоянного хода кожа на стопах уплотнилась там, куда чаще приходилась нагрузка. Под ней изменились мягкие прослойки, шаг стал тише, сухожилия ног постепенно укрепляли места повторяющегося напряжения и переставали собирать одни и те же микроповреждения.

Я чувствовал это ночью как тупой зуд в пятках и коленях.

Раньше такой зуд означал, что через час у меня вырастет что-нибудь лишнее.

Теперь — что тело просто учится пользоваться собой.

Прогресс.

Приёмник молчал.

Сначала я проверял его часто.

Потом реже.

Ещё позже ловил себя на том, что целый день к нему не прикасался.

Это было хуже, чем полное отсутствие связи.

Пока устройство молчало, можно было представить, что город существует точно таким же, каким я его оставил.

Вода.

Еда.

Люди.

Споры.

Лада.

Если бы пришёл сигнал, пришлось бы решать.

Возвращаться.

Или идти дальше.

Тишина решения не требовала.

Поэтому она была удобной.

Я это понимал.

И всё равно шёл.

Зачем?

Не к конкретной цели.

Не к сокровищу.

Не к древнему городу, о котором мне кто-то рассказал.

Мне никто ничего не рассказывал.

Первый город был связан с внешней сетью. Караван уже увидел изменения. Где-то дальше существовали те, кому шли тёмные ящики. Если однажды к городу придёт не торговая группа, а что-то хуже, тридцать один человек должны хотя бы знать, куда можно уйти.

И я хотел знать, что находится вокруг.

После крушения мир всё время сжимался до следующей стены.

Корабль.

Лес.

Шахты.

Город.

Гора.

Снова город.

Теперь стену никто не ставил.

Я мог выбрать направление сам.

Это раздражало.

На очередном гребне я впервые увидел облака ниже себя.

Не все.

Только тяжёлую серую полосу над дальней низиной.

Плато поднялось настолько, что воздух стал заметно тоньше. Организм увеличил глубину вдоха, сердце несколько часов работало чаще. Потом успокоилось.

Я стоял у края и смотрел вниз.

До дна было далеко.

Очень.

Человеческая часть мозга сообщила, что подходить ближе не нужно.

Другая часть уже оценивала каменные выступы, расстояния между ними и возможный спуск.

Я не стал проверять, кто победит.

Обошёл край.

Разум иногда тоже полезная мутация.

На склоне нашёл старый обломок.

Сначала решил, что обычный камень.

Потом заметил прямой угол.

Очистил.

Тёмная плита толщиной с предплечье. На одной стороне — три неглубоких канавки. Никаких понятных символов.

Я поднял её.

Тяжёлая.

Положил обратно.

Рядом под камнями нашлась вторая.

Потом третья.

Они лежали линией.

Я поднялся выше.

Линия продолжалась.

Но уходила не туда, куда шёл современный путь.

Древнее направление.

Ветер наверху был сильнее.

Я вышел на плоскую площадку и остановился.

Передо мной тянулись ещё несколько каменных гребней.

За ними плато поднималось к длинной возвышенности.

На её боку что-то пересекало природный рисунок.

Слишком ровно.

Я прищурился.

Линия шла почти горизонтально, несмотря на изгиб склона. Иногда исчезала под осыпью, потом появлялась снова. На таком расстоянии нельзя было понять материал.

Но природа редко тратит силы на геометрию ради моего удобства.

Я стоял и смотрел.

Потом посмотрел на молчащий приёмник.

На дорогу назад.

На линию впереди.

— Ну конечно.

Я пошёл к ней.

Глава 2 — Высота

До ровной линии я добрался только к следующему светлomu периоду.

Расстояние на плато обманывало. То, что с прошлого гребня выглядело как несколько километров, оказалось двумя спусками, длинной каменной седловиной и подъёмом, который сначала просто раздражал, а потом начал отбирать дыхание.

Я не торопился. Во-первых, линия никуда не уходила. Во-вторых, чем выше становился склон, тем меньше мне нравились следы на камне. Царапины. Не древние. Свежие.

Три параллельные борозды на выступе выше моей головы. На соседней плите — ещё две. Потом клочок серой кожи, застрявший между острыми краями.

Я снял его когтем. Тонкий. Эластичный. Не шерсть и не обычная кожа. Понюхал. Животное. Хищник или жертва — нос на этот вопрос ответа не давал.

Я поднял голову.

Надо мной был ещё один уступ.

Пусто.

Ветер шёл сверху вниз, прижимая одежду к груди. Запахи он приносил плохо: всё смешивалось с пылью и сухой смолой кустов, цеплявшихся за трещины.

Я положил ладонь на склон. Камень был плотный, но

слишком раздробленный. Вибрация рассыпалась между отдельными плитами. Где-то сверху пришёл слабый щелчок. Камень или коготь. Я подождал. Ничего.

— Очень информативно.

Пошёл дальше.

Подъём становился круче. Иногда приходилось помогать руками. Корни могли бы вытащить меня почти без ног, но я не хотел делать из них костыли. Правый выходил только там, где уступ был выше груди: находил трещину, обвивал выступ, принимал часть веса.

Левый работал так же. Без боли. Хороший признак.

Новая экономичная связка ног оказалась полезнее на подъёме, чем на ровной дороге. Я ставил стопу, сухожилия принимали нагрузку, колено не уходило внутрь, таз держал линию. Движение стало почти звериным не по форме, а по отсутствию лишнего.

Раньше человек во мне постоянно что-то поправлял: плечо, спину, шаг. Теперь тело подхватывало нужную механику рефлекторно, без постоянного сознательного контроля.

Наверху снова щёлкнуло. Я замер. На этот раз увидел: тень пересекла камень справа. Быстро. Слишком быстро. Я повернулся. Ничего — уступ, небо, пыль.

Потом на дальней вершине показалась голова.

Низкая.

Широкая.

Два больших глаза спереди и ещё пара маленьких сбоку.

Она исчезла.

— Нашлись.

Я не знал, сколько их.

Это было хуже.

Склон впереди делился на две линии. Левая шла по открытому ребру, правая — под нависающей стеной. Открытое ребро давало обзор, нависающая стена закрывала сверху. Слишком очевидный выбор. Я пошёл под стеной.

Через двадцать шагов понял, почему местная живность не пользовалась этим маршрутом.

Под ногами лежали кости: мелкие, крупные, несколько свежих. Вот почему маршрут казался таким удобным.

Отступать не стал.

Если хищник использовал высоту, мне всё равно нужно было понять как.

Я втянул когти, чтобы не выдавать лишнее движение, и шёл медленнее. Глаза работали по краям. Уши ловили ветер. Правый корень был готов выйти, но я держал его внутри.

Ничего. Ещё десять метров — впереди стена заканчивалась, за ней открывалась площадка. Я остановился в тени. Сначала посмотрел вверх — пусто. Потом на площадку — тоже. Вышел. Ошибка.

Хищник не падал сверху.

Он пришёл сбоку.

Тёмное тело отделилось от стены метрах в пятнадцати выше и левее. Сначала я решил, что оно просто прыгает.

Потом между передней и задней парой конечностей натянулись широкие кожные складки.

Не крылья.

Плоскость.

Тварь поймала поток воздуха и изменила направление в полёте.

Я уже ушёл с первоначальной линии.

И именно поэтому получил удар.

Я рассчитал, куда она должна прийти.

Она пришла на метр правее.

Передняя лапа полоснула по плечу.

Когти прошли через ткань, кожу и верхний слой мышцы.

Меня развернуло.

Тварь не остановилась.

Коснулась задними лапами камня, сжалась и сразу оттолкнулась снова.

Я едва успел пригнуться.

Вторая атака прошла над головой.

Воздух ударил по волосам.

Я развернулся.

Хищник уже был на другой стене.

Четыре основные лапы.

Ещё две короткие ближе к груди, которыми он, похоже, управлял кожной складкой.

Длинный хвост.

Тело плоское.

Размером примерно с крупного волка, если волку очень надоело быть волком.

Планерник.

На плечах кожа собралась складками.

Кровь с моего плеча стекала по руке.

Рана неглубокая.

Неприятная.

Организм уже стягивал мелкие сосуды.

Тварь смотрела.

Я тоже.

— Первый раунд твой.

Она прыгнула.

На этот раз я не угадывал точку.

Смотрел на тело.

Хвост ушёл влево.

Кожная складка натянулась сильнее справа.

Траектория изменилась.

Я шагнул не раньше, а позже.

Когти вышли.

Левая рука зацепила бок.

Неглубоко.

Хищник ударил хвостом по лицу.

Я отшатнулся.

Он снова ушёл на стену.

Кровь теперь была у обоих.

Запах стал сильнее.

Тварь открыла пасть.
Зубы мелкие, много.
Не для дробления.
Для удержания.
Она не рычала.
Из горла вышел короткий сухой треск.
Сверху ответили.
Один.
Потом ещё.
Я поднял голову.
На вершине сидело второе тело.
Меньше.
Очень хорошо.
Я отступил к стене.
Первый хищник не атаковал.
Второй тоже.
Они ждали.
Семья?
Пара?
Стая?

Я не собирался проверять социальную структуру через собственные внутренности.

Площадка впереди была открытой. Справа вниз уходила трещина. Слева — высокий каменный столб.

Если побегу вниз, они получают высоту.
Если вверх — тоже.

Высота вообще была их аргументом.
Нужно было убрать аргумент.
Я выпустил правый корень.
Не в хищника.
В трещину за собой.
Зацепил камень глубоко.
Левый ушёл к выступу сбоку.
Две точки.
Я стоял между ними.
Первый хищник наклонился.
Прыгнул.
Я не ушёл.
Он корректировал траекторию.
Я ждал.
Пять метров.
Три.
Кожная складка раскрыта.
Я резко потянул оба корня.
Тело ушло назад и вниз быстрее обычного шага.
Хищник изменил направление.
Успел.
Коготь прошёл у груди.
Но он потерял идеальную линию.
Я отпустил правый корень, шагнул вперёд и ударил снизу.
Когти вошли в кожную складку между лапами.
Ткань порвалась.

Хищник закрутился.

Не упал.

Хвост выровнял тело.

Он ударился о склон боком, зацепился когтями и замер.

Повреждённая складка висела.

Теперь одна сторона работала хуже.

Тварь треснула горлом.

Второй хищник сверху ответил.

И прыгнул.

Я выругался.

Меньший шёл почти вертикально.

Не на меня.

К первому.

Он коснулся стены рядом, прикрыл его собой и раскрыл пасть.

Защищает.

Значит, не просто охота.

Я отступил.

Они не пошли следом.

Первый хищник прижал повреждённый бок к камню.

Второй стоял перед ним.

Вот теперь выбор был простым.

Можно уйти.

Я уже получил информацию.

Они не преследуют любой ценой.

Первый ранен.

Полученной информации хватало; убивать всё, что защищает сородича, ради ещё одного образца ткани я не собирался.

Я сделал шаг назад.

Меньший хищник не двигался.

Ещё.

Тишина.

Потом сверху упал камень.

Небольшой.

Размером с кулак.

Он ударил меня в плечо.

В то самое.

Я поднял голову.

Третья тварь сидела выше.

И держала лапой ещё один камень.

— Вы издеваетесь?

Она толкнула.

Я ушёл.

Камень разбился рядом.

Вот это уже было интересно.

Не оружие в разумном смысле.

Скорее поведение.

Сбросить то, что лежит сверху, на то, что мешает снизу.

Но теперь у них было преимущество не только в воздухе.

Я продолжил отступать.

Первый хищник внезапно сорвался со стены.

Не ко мне.

Вниз.

Повреждённая складка раскрылась криво.

Тело качнуло.

Он задел камень, отскочил и исчез за уступом.

Второй прыгнул следом.

Третий остался.

Смотрел.

Я тоже.

Потом он ушёл.

— Всё?

Ветер.

Никакого ответа.

Я стоял ещё минуту.

Плечо жгло.

Кровь почти остановилась.

Бой закончился.

Можно было считать встречу удачной. Я получил рану, порвал одному хищнику перепонку, узнал, что они работают группой. И никого не съел.

Организм был категорически против последнего пункта.

— Переживёшь.

Желудок сжался.

— Очень убедительно.

Я пошёл вперёд.

До ровной линии оставалось меньше километра.

Наверное.

Высота продолжала врать.

На следующем уступе я нашёл кровь.

Тёмную.

Свежую.

След раненого хищника.

Он шёл туда же, куда я.

Плохо.

Я остановился.

Можно изменить маршрут.

Линия древней конструкции уходила вдоль всего склона.

Я мог добраться с другой стороны.

Так и сделал.

Спустился на один уровень ниже, обошёл каменный выступ и полез вверх по узкой расщелине.

Там было тесно.

Для планирования — бесполезно.

Если они захотят продолжить, придётся идти по камню.

Я двигался медленно.

Плечо уже стягивалось. Мышечная рана заполнялась с краёв, зудела. Ресурса хватало: вчерашнее кормление, вода, запас белка.

Не проблема.

На половине подъёма запах крови стал сильнее.

Не моей.

Я остановился.

След шёл сверху.

Капля на камне.

Ещё.

Раненый хищник выбрал ту же расщелину.

Почему?

Я поднял ладонь к стене.

Вибрация.

Слабое дрожание впереди.

Не движение.

Судорога?

Я выпустил правый корень.

Он скользнул по трещине вверх.

Касание.

Камень.

Ещё.

Мягкая ткань.

Корень резко втянулся.

Хищник был метрах в десяти.

Я поднялся ещё на два шага.

Увидел заднюю лапу.

Тварь лежала поперёк расщелины.

Повреждённая кожная складка зацепилась за острый выступ. Крови было много.

Слишком много для такой раны.

Я присмотрелся.

Мой коготь прошёл не просто через перепонку.

Задел крупный сосуд у основания.

Хищник дышал часто.

Голова повернулась.

Он увидел меня.

Попытался подняться.

Не смог.

Из пасти вышел сухой треск.

Сверху ответили.

Далеко.

Я замер.

Вот теперь социальная структура могла прийти ко мне сама.

Хищник снова попытался встать.

Передняя лапа скользнула.

Он ударился головой о камень.

Я мог уйти.

Наверное.

Он уже умирал.

Организм чувствовал кровь.

Вода.

Белок.

Странная ткань.

Особенно — область головы и шеи.

Я ненавидел моменты, когда тело было практичнее меня.

Хищник сделал ещё один вдох.

Ещё.

Я подошёл.

Он дёрнулся.

Когти вышли.

Один короткий удар под основание черепа.

Всё.

— Извини.

Никакого смысла.

Слова были для меня.

Сверху снова треснуло.

Ближе.

Я не стал поглощать на месте.

Обвил тушу корнем, поднял и потащил вниз по расщели-
не.

Тяжёлая.

Не очень.

Вниз было быстрее.

Нашёл боковую нишу, куда ветер почти не попадал. По-
ложил тело.

Сначала слушал.

Ладонь на стену.

Никто не приближался.

Пока.

Я начал с крови.

Она была гуще человеческой, почти горячая. Вкус — же-
лезо, соль и что-то горькое. Фильтрация проверила, пропу-
стила.

Потом мягкие ткани.

Мышцы груди.

Сухожилия.

Организм забирал ресурс обычным способом.

Я специально не трогал кожные складки сразу. Слишком очевидная ловушка для фантазии: планирующий хищник — значит, Савину нужны перепонки. Нет. Мне не нужны перепонки.

Моё тело не построено для полёта. Масса другая. Центр тяжести другой. Кости плотнее. Корни. Броня.

Даже если ткань подходила, результатом был бы очень тяжёлый человек с декоративной кожей под руками.

Я добрался до головы. Вот там организм отреагировал сильнее.

Череп был легче, чем ожидал, но плотный вокруг основания. Внутри уха — сложная система полостей. Не одна.

Три небольших камеры с жидкостью, расположенные под разными углами.

Рядом — плотные нервные пучки.

Мышцы шеи тоже отличались. Короткие, многослойные, способные мгновенно фиксировать голову при изменении траектории.

Глаза сидели в глубоких подвижных кольцах.

Даже после смерти мелкие мышцы вокруг них оставались напряжёнными.

Вот это было полезно.

Не летать. Понимать, куда летишь.

Я вырезал нужные ткани когтем.

Проглотил маленькую часть.

Ждал.

Организм распознал материал почти сразу — только потенциально и частично совместимую схему тканей.

Я съел ещё.

Тепло пошло от желудка к груди.

Потом выше.

В шею.

За уши.

Глаза.

— Началось.

Сначала просто закружилась голова.

Я сидел.

Это не помогло.

Каменная ниша медленно наклонилась вправо.

Я закрыл глаза.

Стало хуже.

Внутреннее ухо сообщало одно.

Глаза — другое.

Тело пыталось понять, почему привычная система координат внезапно решила уволиться.

Меня вырвало.

Часть воды ушла на камень.

— Очень полезно.

Жар поднялся выше.

Внутри ушей появилось давление.

Не боль в обычном смысле.

Ощущение, будто кто-то вставил пальцы глубоко в череп
и начал очень медленно менять форму каналов.

Я лёг на бок.

Плохая идея.

Мир перевернулся.

На спину.

Ещё хуже.

Пришлось сесть и упереться затылком в стену.

Мышцы шеи начали сводить.

Короткие спазмы.

Сначала справа.

Потом слева.

Под кожей шли мелкие движения. Не росла новая шея.
Тело разбирало существующие крепления мышц, добавляло
волокна, меняло угол некоторых пучков.

Глаза начали болеть через несколько минут.

Я открыл.

Картинка дрожала.

Закрыл.

Тошнота.

— Выберите что-нибудь одно.

Организм не выбрал.

Я пил маленькими глотками.

Это было важно.

Регенерация и перестройка жрали воду.

После рвоты запас просел заметно.

Ещё одна причина не пытаться отращивать крылья ради красоты.

Через какое-то время давление в ушах стало ровнее.

Я повернул голову.

Мир качнулся.

Вернулся.

Ещё раз.

Лучше.

Я поднял руку перед лицом.

Повёл слева направо.

Глаза удержали фокус.

Быстрее, чем раньше.

Не резко.

Просто изображение меньше смазывалось.

Я встал.

Сразу сел обратно.

— Рано.

Сверху слышался треск.

Я замер.

Не один.

Два ответа.

Сородичи.

Ладонь на стену.

Тонкие быстрые касания по камню.

Высоко.

Они искали.

Запах крови приведёт сюда.

Мне нужно двигаться.

Очень удачно.

Я поднялся снова.

Мир качнулся.

Ноги компенсировали.

Слишком сильно.

Меня бросило влево.

Правый корень выстрелил в стену и удержал.

Я выдохнул.

— Освоение. Конечно.

Тушу оставлять было жалко.

Но тащить её с новым внутренним ухом — способ проверить, умею ли я падать красиво.

Я забрал только часть плотного мяса и сосудистый мешок с жидкостью.

Остальное оставил.

Сородичам.

Может, они ели своих.

Может, нет.

Я не хотел присутствовать при семейном обсуждении.

Поднимался по расщелине медленно.

Каждый шаг был тренировкой.

Наклон вправо.

Глаза держат горизонт.

Стопа ставится.

Шея фиксирует голову.

Наклон влево.

Снова.

Через двадцать метров стало легче.

Не идеально.

Но организм уже собирал новые сигналы в одну картину.

На выходе из расщелины я остановился.

Ветер ударил сбоку.

Раньше на узком краю я бы автоматически перенёс вес
внутри склона.

Теперь тело сначала почувствовало порыв, потом компенсировало его почти без движения плеч.

Я заметил только потому, что следил.

Малая вещь.

Очень полезная.

Слева на стене сидели два хищника.

Те самые?

Наверное.

Один меньше.

Второй с тёмной полосой на груди.

Они смотрели на меня.

Я — на них.

Между нами метров сорок.

Высота у них.

У меня — расщелина за спиной.

Они не прыгнули.

Один издал треск.

Я не ответил.

Через несколько секунд оба ушли вверх.

Не простили.

Или просто решили, что мёртвый уже мёртв.

Я продолжил.

До древней линии осталось совсем немного.

Теперь я видел её ближе.

Это была не просто полоса другого цвета.

По склону шёл искусственный край.

Массивные блоки лежали один за другим, частично разрушенные, частично скрытые под наносами. Некоторые торчали из камня на два метра. Между ними были ровные зазоры.

Я поднялся к первому.

Провёл ладонью.

Поверхность холодная.

Тёмно-серая.

Не такая, как материал первого города.

Не такая, как на «Альтаире», конечно.

Ближе к древним сооружениям, которые уже видел раньше, но тоже не совсем.

Я не стал придумывать цивилизацию по цвету камня.

Соскоблил налёт.

Под ним сохранилась гладкая плоскость.

На высоте колена шла неглубокая канавка.

Дальше — ещё одна.

Возможно, крепление.

Возможно, вода.

Возможно, древние строители очень любили канавки.

Я пошёл вдоль.

Линия не подчинялась современному рельефу.

Вот что было странным.

Склон проваливался.

Конструкция сохраняла высоту.

Где-то блоки лежали прямо на камне. Где-то под ними начинались вертикальные опоры, уходившие вниз к следующей террасе.

Дорога.

Или основание дороги.

Я вышел на участок, где сохранилась верхняя поверхность.

Ширина — несколько метров.

Край обломан.

С одной стороны скала.

С другой — пустота.

Я посмотрел вниз.

Человеческий желудок сжался.

Очень по-старому.

Я стоял высоко.

Слишком высоко.

Внизу лежала сухая долина, дальше — белёсое русло, похожее на шрам.

Раньше я бы сделал шаг назад.

Сделал.

Потом остановился.

Почему?

Опасно.

Да.

Но тело уже оценило край.

Камень держит.

Ветер справа.

Центр тяжести устойчив.

До края метр.

Никакой причины паниковать.

Кроме десятков лет человеческой привычки.

Я снова подошёл.

Не к самому краю.

Достаточно.

Посмотрел вниз.

Сердце ускорилося.

Внутреннее ухо сообщило положение головы.

Глаза удержали горизонт.

Шея мягко компенсировала движение.

Мир не поплыл.

Я перевёл взгляд с ближнего камня на дно.

Раньше на такой высоте расстояние само по себе заставляло тело чуть отклоняться назад.

Теперь почти нет.

Страх остался.

Но он перестал управлять балансом.

— Ну хоть боязнь высоты не съел.

Голос унесло ветром.

Я сел на древний край.

Ноги свесил не полностью.

Не настолько я развился.

Место было красивым.

Очень раздражающе.

Плато уходило далеко. Каменные гребни отбрасывали длинные тени. Белая полоса сухого русла резала низину. Где-то на ней двигались тёмные точки.

Животные.

Над дальним склоном кружили мелкие существа.

Не птицы.

Слишком широкие.

Мир был огромным.

И я действительно был один.

Не в смысле «в соседней комнате люди».

По-настоящему.

Приёмник молчал.

Я достал его.

Проверил крепление.

Никаких импульсов.

Здесь не было маршрутного столба.

Или был, но давно умер.

Я убрал прибор.

На древней поверхности рядом заметил след.

Не животного.

Вырезанный знак.

Почти стёртый.

Три параллельных линии.

Потом угол.

Я уже видел похожие геометрические формы на внешних маршрутах, но этот был старше и глубже врезан.

Что значил?

Не знаю.

Я провёл пальцем.

Никакого света.

Никакого ответа.

Правильно.

Мир не обязан включаться от моего прикосновения.

Я поднялся и пошёл по древней линии.

После перестройки тело требовало проверки.

Не максимальной.

Простой.

Первый раз я спрыгнул на блок на полметра ниже.

Ничего.

Второй — на метр.

Стопы приняли удар.

Колени стабилизировали.

Голова почти не качнулась.

Третий участок был сложнее.

Между двумя сохранившимися плитами провал метра три.

Внизу — осыпь.

Я мог обойти.

Конечно, прыгнул.

Не рывком.

Обычным сильным толчком.

В момент отрыва глаза зафиксировали дальний край.

Ветер шёл сбоку.

Раньше тело корректировало бы уже после того, как я почувствовал снос.

Теперь шея, таз и стопы начали готовиться раньше.

Не предвидение.

Просто лучшее чтение собственного движения.

Я приземлился.

Чуть правее, чем хотел.

Но без лишнего шага.

— Хорошо.

Не идеально.

Это нравилось больше.

Я повторил на меньшем расстоянии.

Потом остановился.

Перестройка ещё шла. За ушами оставался жар. Вода тра-
тилась.

Хватит.

Организм любит проверять новую игрушку до тех пор, по-
ка не сломается старая.

Я поел сохранённого мяса.

Вкус планирующего хищника оставался горьким.

Специальные ткани больше не трогал.

Достаточно.

Через несколько часов тошнота ушла полностью.

Осталось странное ощущение, будто голова стала легче.

На самом деле, конечно, нет.

Просто тело меньше спорило само с собой о положении в
пространстве.

Дальше древняя дорога сохранилась хуже.

Иногда я шёл по ней.

Иногда только по линии опор.

Один пролёт исчез целиком, оставив два обломанных
края над провалом.

На вертикальной части опоры обнаружились круглые от-
верстия.

Ровный ряд.

Крепление чего-то.

Перила?

Тросы?

Кристаллы?

Я залез ниже, проверил одно.

Внутри — остаток тёмного стержня.

Металл?

Нет.

Скорее минерал с волокнистой структурой.

Попробовал когтем.

Царапина осталась.

Материал был прочный, но не неразрушимый.

Вынимать не стал.

Мне всё ещё не требовалась коллекция древнего мусора.

На следующем участке дорога проходила через скалу.

Не тоннелем.

Кто-то когда-то срезал выступ, оставив ровную стену.

На ней сохранились длинные неглубокие линии.

Не символы.

Следы инструмента.

Я провёл ладонью.

Очень старые.

Но сделанные разумными руками.

Не местными рабочими из города.

По крайней мере, на их обычную обработку это не было похоже.

Может, древние.

Может, просто другая группа.

Я не знал.

И впервые это не раздражало.

Наоборот.

Незнание означало, что впереди действительно есть что искать.

К вечеру ветер усилился.

Я нашёл углубление под сохранившейся плитой.

Перед сном снова проверил рану на плече.

Уже закрылась.

Осталась розовая полоска.

Регенерация потратила часть белка и воды, но ничего критичного.

Шрам, скорее всего, уйдёт.

За ушами ещё пульсировало.

Я повернул голову резко.

Картинка удержалась.

Ещё раз.

Нормально.

Потом встал на одной ноге.

Очень научный эксперимент.

Закрыв глаза.

Через секунду качнулся.

Открыл.

— Не всё сразу.

Сел.

Ночью хищники не пришли.

Пришли мелкие существа с длинными пальцами, которые

ползали по нижней стороне древних плит и соскребали минеральный налёт. Они светились слабым зелёным по краям тела.

Я наблюдал минут десять.

Один приблизился к моей руке.

Понюхал.

Отступил.

Никакой битвы.

Никакой мутации.

Просто жизнь на руинах.

Мне это начинало нравиться.

Утром древняя дорога уходила дальше вдоль плато.

Иногда поднималась.

Иногда пересекала ущелья по остаткам опор.

Я уже не сомневался, что это была именно дорога или часть транспортной линии. Слишком последовательная ширина. Слишком ровные повороты. Слишком много креплений по краям.

Куда она вела?

Вопрос хороший.

Ответа не было.

Я поднялся на очередной сохранившийся участок.

Отсюда линия была видна дальше, чем вчера.

Она уходила по гребню, потом спускалась к белой низине и исчезала в ней.

Сухое русло.

Или что-то похожее.

Там было ниже.

Жарче.

Воды, судя по цвету земли, почти не было.

Я посмотрел на свой запас.

Не огромный.

Хватит, если не тратить глупо.

Можно было свернуть.

Вернуться к более зелёным участкам.

Или идти по древней дороге дальше.

Я посмотрел назад.

Высокие камни скрывали место, где остался первый город.

Приёмник молчал.

Впереди старая линия продолжалась.

Я сделал шаг.

Потом ещё.

Дорога под ногами была мёртвой.

Но она куда-то вела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.